

ный осмотр подопечных учреждения. В 2002 г. проведено 117 консультативных осмотров. Из 60 подопечных выявлено 42 (70 %) нуждающихся в постоянном наблюдении врача-психиатра.

Класс психических расстройств и расстройств поведения с уровнем 700 сл. на 1000 чел. находится на четвертом ранговом месте (13.6 %) в структуре общей болезненности. Наиболее тяжелые формы психической патологии – состояние деменции различного генеза – наблюдаются в 41.8 % случаев. Среди различных причин психических расстройств такого рода преобладает деменция сосудистого генеза (F01) умеренной степени выраженности – 23.8 %, состояние так называемой сомнительной деменции (F07.8) – 9.5 %, сенильной деменции неуточненной этиологии (F03) – 9.5 %. Органическое расстройство личности на фоне эпилепсии (F07.8) – 4.7 %, бредовое (шизофреноподобное) расстройство в связи с сосудистым заболеванием головного мозга (F06.2) – 4.7 %, шизофренией параноидной формы (F20.0) – 2.4 %. Аффективные заболевания, преимущественно в форме депрессивных состояний непсихотического уровня (F34), наблюдаются в 2.4 %, умеренная умственная отсталость (F71) – 2.4 %, алкогольная зависимость 2-й – 3-й степени (F10) – 14.3 %, депрессивные расстройства (F33) – 26.2 %.

Проводимое врачом-психиатром лечение в соответствии с основным патологическим процессом обусловило стойкое улучшение в 4.8 % случаев (пациенты с кратковременными депрессивными расстройствами), в 4.7 % случаев обусловило стабилизацию состояния (у пациентов с расстройством личности в связи с эпилепсией), в 81 % случаев обусло-

вило временное улучшение со склонностью к рецидиву и в 9.5 % случаев (пациенты с сосудистой деменцией) состояние без улучшения. Четверо подопечных в течение года были госпитализированы в клинический психоневрологический диспансер в связи с ухудшением психического статуса.

Летальность по отделению «Милосердие» в 2000 г. составила 13.5 %, в 2001 г. – 7.8 % и в 2001 г. – 9.6 %. Причиной смерти в 2002 г. в 70 % случаев послужили болезни сердечно-сосудистой системы.

В связи с критериями завершенности медико-социального обслуживания (отделения «Активное долголетие») ежегодно до 25 человек снимается с обслуживания и возвращается к активной социальной жизни, в том числе в 1999 г. – 11 человек, в 2000 г. – 23 человека, в 2001 г. – 18 человек и в 2002 г. – 25 человек.

Таким образом, организация психиатрической помощи геронтологическим группам подопечных учреждений социального обслуживания заключается в выявлении психической патологии при приеме на медико-социальное обслуживание (заведующий психиатрическим отделением Сургутского клинического психоневрологического отделения входит в состав городских межведомственных приемных комиссий), выявлении реабилитационного потенциала подопечного, определении его дальнейшего маршрута и оказании силами прикрепленных к учреждению (входящих в штатное расписание) врачей-психиатров, необходимой специализированной психиатрической помощи, в том числе госпитализация в психиатрический стационар.

Литература

1. Дмитриева Т.Б. О неотложных мерах по реализации Концепции развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 1998. № 1.
2. Михневич Н.Н. О потребности лиц пенсионного возраста в лечебно-профилактической помощи // Здравоохранение Российской Федерации. 1996. № 2.
3. Преображенская В.С. Нормативы потребности лиц пенсионного возраста в медико-социальной помощи // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. № 5.
4. Щепин О.П. Проблемы реформирования здравоохранения Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 1998. № 2.

В.Г. Морозин

ПРОЦЕСС МОТИВАЦИИ В НОРМЕ И ПРИ ПСИХИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ

Томский государственный педагогический университет

Проблема мотивации с разных точек зрения

Мотивация – сложное и довольно запутанное понятие, поэтому в психологии существует мно-

жество точек зрения на эту проблему, иногда даже противоречащих друг другу. В понятие «мотивация» обычно включаются все виды побуждений: потребности, мотивы, стремления, интересы,

склонности и даже способности, а наиболее обобщенные и устойчивые мотивы некоторыми исследователями рассматриваются как ценности личности. Тем не менее все исследователи этой проблемы считают мотивацию системообразующим качеством личности, обеспечивающим ее поведение [2].

С общетеоретической точки зрения мотивация – это общий термин для обозначения потенциальной активности организма, индивида или личности. Организм детерминирован его собственной природой или какой-либо внешней причиной, а потому у всех живых существ всегда есть тенденция к избирательной и организованной активности. Однако чаще это понятие употребляется для обозначения любого побудителя: мотива, потребности, влечения, желания, интереса и даже стимула, воздействующего на человека или животного.

Согласно «гормической» концепции В. МакДугалла [44], любое поведение мотивируется определенной психологической структурой, в которой всегда есть два компонента:

- побудительно-мотивационный, состоящий из инстинктов;
- познавательный-исполнительный, его обслуживающий.

На основе первого у животного рождается импульс активности, а у человека – желания, мотивы, намерения. Мотив возникает только у человека и проявляется на уровне сознательного действия. Мотивы, по В. МакДугаллу, определяются не объектами среды, а избирательностью к ним, той специфической склонностью, которая сама связана с инстинктом и его свойствами: «Инстинкт заставляет его обладателя воспринять какой-либо объект определенного класса, испытать в его присутствии известное эмоциональное возбуждение и импульс к действию, которые получают выражение в специфическом виде поведения по отношению к этому объекту» [44, р. 110].

Дж. Аткинсон [37] и Д. МакКлелланд [43] выделили два основных мотива человеческого поведения. В «стремлении к успеху» они видели ожидаемую индивидом оценку деятельности, а «избегание неудачи» связывали со стремлением человека ставить слишком легкие цели или, наоборот, слишком трудные, невыполнение которых не приносит огорчений. Если уровень мотивации «избегания» выше, чем мотивация «достижения», то субъект стремится не рисковать, если наоборот, то человек склонен к риску. Вместе с тем успех сам по себе обладает свойством побуждать определенные действия.

В.С. Мерлин [18] отмечал, что «стремление к успеху» или «избегание неудачи» тесно связано со свойствами темперамента: высокотревожные и интровертированные личности чаще выбирают стра-

тегию «избегания неудачи», экстраверты стремятся к достижению успеха.

По З. Фрейду, мотивация представляет собой «не биоэнергетику, а психоэнергетику, это ее динамическая характеристика, отражающая психологическую причинность поведения» [30, с. 14]. Сознание рассматривается им как сопутствующий элемент бессознательных влечений. Оно лишь оправдывает инстинктивные побуждения и не содержит в себе собственной активности, способной управлять и регулировать поведение и деятельность человека. «Под источником влечения понимается тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражения которого в душевной жизни воплощаются во влечении», – писал он.

Ортодоксальный бихевиоризм вообще отрицал и психику, и сознание, и мотивацию. Все поведение человека сводилось к приспособительным реакциям организма. Позднее в эту классическую формулу «S – R» вводятся «промежуточные переменные». Так появляются термины «драйв» (drive) и «потребность» (need), которые призваны объяснить активность человека в тех случаях, когда явно отсутствует внешняя стимуляция.

«Драйв» как термин обозначает первичные биологические побуждения, которые заставляют животное быть активным. Это и энергия, и побуждение, и стимул. Содержательно драйв сходен с инстинктом; разница лишь в том, что драйв означает органическую предрасположенность реагировать на воздействия внешней среды, а инстинкт действует и побуждает поведение независимо от нее. Ну а те состояния организма, а также побудительные силы, за счет которых совершается поведение человека, были обозначены бихевиористами как «потребности».

К. Халл [40] считал, что основная функция поведения – восстановление равновесия между организмом и средой. Нарушение равновесия из-за недостатка в организме каких-либо веществ приводит к состоянию «первичной потребности». Она-то и выполняет функцию мотивации. Наличие мотивации вызывает цепь безусловных рефлексов, которые устраняют состояние «первичной потребности». Смысл такого устранения – подкрепление, которое способствует формированию навыка. Навык – первая и основная промежуточная переменная, но он непосредственно не связан с наблюдаемыми реакциями, поэтому существует еще одна промежуточная переменная – «эффективный потенциал реакции», то есть сила реакции. Этот потенциал включает в себя также и драйв как энергетизирующий элемент. Таким образом, основной побудитель поведения человека – потребность, которая редуцируется в цепочке драйвов.

К. Халл различал понятия «потребность», «драйв» и «мотив». Мотив, в отличие от потребнос-

ти и драйва, не только энергетизирующий побудитель, но и всегда регулятор, способный направлять действие побудителей.

Другой крупный представитель необихевиоризма Э. Толмен также выделял две промежуточные переменные:

– потребность в пище, безопасности, сексуальные влечения;

– потребность в восприятии, умении (когнитивные потребности).

Он также допускал существование потребностной системы с ценностными мотивами и бихевиоральным полем. Поведение, таким образом, это не совокупность изолированных актов, оно имеет внутреннюю детерминацию в виде намерений, ожиданий и знаний (так называемые «когнитивные карты»).

«Драйв» Э. Толмен [47] понимал как биологическую детерминанту поведения, которая вызывает активность организма и ведет к ослаблению напряжения. Эта реакция закрепляется и превращается в индивидуальный опыт.

Дальнейшее развитие бихевиористской концепции мотивации связано с творчеством Б.Ф. Скиннера [46]. Он разрабатывает теорию подкрепляющего эффекта самой поведенческой реакции на стимул. Этот подкрепляющий эффект, названный еще Э. Торндайком «законом эффекта», у Б.Ф. Скиннера приобретает важную регулируемую функцию.

Автор теории «социальной мотивации» К. Левин [41] считал, что потенциально активны лишь те единицы психики, в которых сохраняется специфика целого (гештальт), а это потребности и мотивы. К. Левин «выявил постоянную связь поведения человека с теми потребностями и мотивами, которые его побуждают. Он отчетливо показал, что человек всегда существует в определенной «актуальной ситуации», в некотором «силовом психологическом поле», где каждая вещь выступает не сама по себе, а в ее отношении к человеку, точнее, к его потребностям и стремлениям» [14, с. 23]. Но чтобы потенциальная потребность обрела статус актуальной, необходимо фактическое взаимодействие субъекта с миром, в котором и рождается деятельность, конституирующая данную конкретную потребность.

Ф. Хоппе считал важным мотивирующим фактором уровень притязаний – это та степень трудности задачи, которая представляется человеку не только достижимой, но и привлекательной. Уровень притязаний зависит от многих условий: от результатов деятельности, от самооценки сил и способностей.

А. Маслоу [42] полагал, что социальный контроль над личностью вреден, он пагубно влияет на ее способность самореализовывать свою индиви-

дуальную сущность, которая может раскрыться только посредством самоактуализации. Самоактуализация – это изначальная потребность и основа для становления индивидуальности. Иерархическая система потребностей А. Маслоу отражает механизм реализации этой изначальной мотивационной силы человека. Все низшие потребностные уровни лишь обслуживают самоактуализацию, они не доставляют личности истинного удовольствия; такое удовольствие человек получает только в процессе творчества и самоактуализации.

А. Маслоу формулирует 15 характеристик самоактуализирующейся личности, главными из которых он считает:

– максимально объективное отношение к себе и к другим;

– спонтанное и аутентичное поведение;

– некоторую обособленность, а иногда и стремление к одиночеству;

– автономность в суждениях;

– свежесть оценок;

– способность по-новому оценивать обычные жизненные явления;

– креативность;

– противодействие полной включенности в культуру;

– обязательное наличие опыта «пиковых» переживаний.

Дж. Гилфорд [39] и Р. Кеттелл [38] понимают потребности как факторы мотивации, ее причинную обусловленность. Дж. Гилфорд, например, выделяет 6 групп таких факторов, которые формируют соответствующую мотивацию, непосредственно регулиующую поведение человека. Среди этих групп потребностей большинство имеет своим предметом социальные объекты.

П. Фресс, Ж. Нюттен, Ф. Олпорт различают первичную и вторичную мотивацию. Последняя имеет общественную природу и не зависит от физиологических потребностей. Творческая мотивация отличается мощным побудительным потенциалом, способным вытеснить даже физиологические потребности.

Ж. Нюттен [22], в частности, разбил потребности человека на два уровня: «организм – среда» и «личность – мир» и отверг принцип редукции потребностей. Первый уровень мотивации врожденный и определяется структурой организма, второй – приобретенный, изменчивый, формируемый. Поведение, с его точки зрения, может быть детерминировано даже будущим.

С позиций концепции социальной детерминации рассматривают мотивацию Г. Мерфи и Ф. Олпорт. Мотивация – это совокупность социальных мотивов: в процессе учения индивид усваивает такие мотивы, как желание быть понятым, стремле-

ние быть лидером или ведомым. Три наиболее мощных мотива по Г. Мерфи [45] – это:

- стремление к материальным благам;
- стремление к власти;
- стремление к престижу.

Ф. Олпорт [36] установил, что ситуация «вместе» обладает большей мотивационной силой, чем ситуация «вне группы». Согласно его точке зрения существуют два типа мотивации:

- с биоэнергетической основой: инстинкт, влечение, «драйв»;
- с психоэнергетической основой: потребность, психологические и социальные факторы.

Б.Ф. Ломов [16] считает мотив системообразующим фактором: «мотив не просто одна из составляющих деятельности, он выступает в качестве компонента сложной системы – мотивационной сферы личности».

Таким образом, мотивация имеет глубокие личностные корни. Мотивационные системы – это продукт развития всех побудительных сил человека, а также его деятельности, его жизненной практики, социализации, превращающих индивида в личность. Мотив – это высшая осознанная форма побуждения и регуляции деятельности и вообще взаимодействия человека с окружающей средой.

Мотивы нельзя отождествлять с влечениями, потребностями, желаниями и другими побудителями человеческой активности. Они представляют собой качественно новый уровень побуждений и регуляции поведения и деятельности человека. Это целостный, интегративный, личностный компонент.

Под мотивацией может пониматься и процесс возникновения и образования мотива на основе соответствующей потребности. У Д.А. Кикнадзе [9] мотивация – это последовательные этапы формирования мотива из потребности. С его точки зрения, они полностью контролируются сознанием и связаны с волевыми актами.

Тем не менее гораздо чаще термином «мотивация» обозначают не процесс формирования и становления мотива, а их совокупность, структуру, то есть систему мотивов. Эта совокупность представляет собой иерархическую структуру движущих сил поведения и деятельности личности.

Мотивацию как простую совокупность мотивов следует отличать от мотивационной сферы личности, в которой мотивы представляет собой иерархизированную динамическую мотивационную систему, в которой потребности, мотивы и цели определенным образом соподчинены, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Важный параметр мотивационной сферы личности – временной показатель устойчивости. Другой ее параметр – многообразие и значимость побудителей; он проявляется в содер-

жании мотивационной сферы, а именно в конкретных мотивах, образующих эту систему.

Доминирующие устойчивые мотивы составляют мотивационное ядро, от которого зависит духовный облик личности. А.А. Бодалев одним из первых отметил это и на этом основании выделил две группы устойчивых существенных свойств личности: первая связана с побудительной стороной психической регуляции, вторая – с организационно-исполнительской.

Понятие мотивации может употребляться и для обозначения состояния организма, вызванного комплексом возбуждений, сигнализирующих о потребностях, которые толкают человека или животное к поиску специфических раздражителей внешней среды, удовлетворяющих эти потребности. К мотивационным состояниям относят и голод, и жажду, и половое влечение. С другой стороны, сюда же могут включаться и эмоции: страх, гнев, радость, скука.

А.К. Маркова [17] термином «мотивация» обозначает сложную систему отношений, побуждений, мотивов, потребностей, интересов, идеалов и стремлений, которая определяет направленность активности человека.

Нередко мотивацию называют внутренней причиной действия, поэтому она не мыслится вне поведения и деятельности. Это движущие силы человеческого поведения, пронизывающие все основные структурные образования личности: характер, эмоции, способности, деятельность и психические процессы.

И.А. Джидарьян [5] считает, что мотивация оказывает побудительные воздействия на поведение во всех его звеньях, а не только в его начале. Термин «мотив» имеет более узкое значение – это внутреннее состояние личности, которое энергетизирует и направляет действие личности в каждый момент времени.

В.Г. Леонтьев [13], однако, вполне обоснованно полагает, что мотивация не может быть личностным образованием – она есть и у животных, которые никогда не становятся личностями. Поэтому элементом личностной структуры может быть только мотив как высший уровень регуляции деятельности человека. Мотивация – это целенаправленное побуждение; она также и процесс этого побуждения, реализации в действии и поведении потребности, влечения, эмоции, инстинкта. И наконец, мотивация – это внутренняя причина действия и поведения человека.

В последние годы в качестве инструмента постижения природы мотивации стал использоваться системно-синергетический подход. В статье с интригующим названием «Нелинейная модель мотивационной сферы личности» В.А. Бодров, Г.В. Ложкин и А.Н. Плющ [3] связывают мотивацию не

только с функцией побуждения, но и с направленностью деятельности, с регуляционной, смыслообразующей ее составляющей. Она служит основанием для выбора целей, средств и способов действий, она «энергетизирует» поведение и даже выступает как конечная цель поведения или его повод. С помощью понятия «мотив» авторы пытаются объяснить побуждения ко всевозможным видам деятельности: от инстинктивных действий до операций по реализации жизненных стратегических планов, осуществления жизни в целом. Этот термин употребляется и для обозначения ситуативных образований, инициирующих конкретную деятельность, и устойчивых психологических комплексов, детерминирующих выбор целей, средств и способов действий, формирующих смысл деятельности. Иногда мотив рассматривается этими авторами и как первопричина поведения.

Итак, мотив может быть и конкретным побудителем, «инициатором» деятельности, и ее конечной целью. Это четко проявляется в выделении его побудительной и смыслообразующей функций, динамической и содержательной сторон мотивации, ситуативной мотивации и устойчивых мотивационных образований.

Если обобщить все функции мотива, которые ему приписываются, то в процессе мотивации должны присутствовать следующие этапы:

- отражение наличной ситуации, ее значимости и смысла;
- целеобразование;
- программирование деятельности;
- принятие решения о действии;
- коррекция хода выполнения действия.

Таким образом, мотивацию можно было бы представить как решение задач, в ходе которого должно сформироваться побуждение. При этом авторы исходят из того, что у субъекта независимо от его намерений возникает актуальная потребность, которая через мотив, цели и действия должна быть удовлетворена.

Конечно же, авторы путают процесс мотивации с процессом деятельности: ведь когда начинается деятельность, процесс мотивации уже завершен и полностью сформирован осознанный мотив деятельности. Деятельность не может быть неосоз-

нанной, так как она всегда развивается в направлении сознательно поставленной цели. А процесс мотивации – это превращение потребности в мотив деятельности или поведения. Если мотив полностью осознан субъектом деятельности, то это смыслообразующий мотив, наполненный личностным смыслом и, следовательно, способный стать побудителем деятельности; если же мотив не полностью представлен в сознании субъекта, он в принципе может обладать побудительной силой, но в этом случае о деятельности не может быть и речи. Нельзя же назвать неосознанное импульсивное поведение деятельностью.

Авторы статьи, вслед за Д.А. Леонтьевым¹, считают, что потребности впервые появляются в результате деятельности, а не наоборот. Структурное образование, содержание которого составляет отражение потребности, выполняющее функции инициации и направленности активности, они называют мотивом. Потребность приобретает статус мотива лишь тогда, когда она включена в деятельность. Однако, согласно классическому определению, данному А.Н. Леонтьевым [12], «опредмеченная потребность есть действительный мотив», а сама деятельность начинается с осознания мотива.

Но и это еще не все. Авторы утверждают, что мотив – это сложная психологическая конструкция, в которой происходит сознательное отражение будущего на основании использования опыта прошлого, то есть словами А.Н. Берштейна, мотив – это «модель потребного будущего». В этом случае перепутаны два других понятия – «мотив» и «цель». «Модель потребного будущего» – это «акцентор результата действия» в терминологии П.К. Анохина, то есть сознательно поставленная субъектом деятельности цель.

Психологическая теория деятельности – полезный интеллектуальный продукт, но нельзя же затыкать ею все «психологические дыры» подряд. У этой теории есть своя строго очерченная сфера применения, поэтому любое неадекватное ее использование только вредит ей.

Итак, анализ самых разнообразных точек зрения на природу мотивации показывает, что это очень сложная и одна из самых запутанных в психологии тем. Но, тем не менее, достаточно отчетливо выяв-

¹ Д.А. Леонтьев даже биологические потребности рассматривает как продукт осознанной деятельности. Он пишет: «Потребность мы определяем как ... объективное отношение между субъектом и миром, требующее для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности» [14, с. 112]. При этом автор настаивает, что не существует врожденных потребностей, а «в качестве априорно заданных могут рассматриваться лишь необходимость и возможность формирования тех или иных потребностей» [с. 115]. Он, например, ссылается на эксперименты Сирса и Уайза, которые с самого рождения кормили младенцев из чашки, в результате чего у них не возникало проявлений сосательного рефлекса. Д.А. Леонтьев на основании этих фактов делает вывод о том, что пищевая потребность не является врожденной, а появляется как результат взаимодействия новорожденного с окружающим миром. Другими словами, потребность только тогда становится потребностью в полном смысле слова, когда она в состоянии стать двигателем целенаправленной деятельности. Фактически здесь происходит подмена категории «потребность» понятием «ценность», так как в приведенном примере первичная пищевая потребность «обрастает» множеством социально утвержденных способов ее удовлетворения и становится индивидуальной ценностью.

ляется точка зрения на мотивацию как психологическое образование, всегда несущее в себе определенное содержание, которое связывается в конечном счете с иерархией потребностей личности. В то же время мотивация – это процесс, отражающий постепенное превращение актуальной потребности в мотив поведения или деятельности. В понятии «мотивация» неразрывно слиты личностный и деятельностный смыслы, поэтому его необходимо рассматривать в двух аспектах: содержательном и динамическом, то есть процессуальном.

В современной психологической науке более представлен процессуальный подход к изучению мотивации, в то время как исследование истинных детерминант поведения, первопричин деятельности наталкивается на многообразие форм проявления самых различных мотивационных образований.

Содержание мотивации и мотивация как активный процесс

Движущей силой человеческой деятельности К. Левин считал потребность; потребность – это причина любого человеческого поведения. Кроме устойчивых и постоянных, по его выражению истинных, потребностей, он выделил квазипотребности, которые всегда появляются в какой-то конкретный момент деятельности. Квазипотребности по своему строению и механизмам не отличаются от истинных потребностей. Почти всегда они навязаны человеку обществом и не являются природными побудителями поведения, но они иерархически связаны с истинными потребностями, то есть производны от них. Более того, К. Левин предпочитает говорить о действиях и поступках, порождаемых квазипотребностями, так как именно они являются источниками нашей повседневной деятельности. Фрустрация истинной или квазипотребности, по К. Левину, способствует возникновению некоторой напряженной системы – намерения, обеспечивающей деятельность в направлении разрядки этого напряжения и удовлетворения актуальной потребности или квазипотребности [41].

Таким образом, квазипотребности вторичны по отношению к истинным потребностям и иерархически связаны с ними. Они образуют некую напряженную систему – намерение, обеспечивающую деятельность человека, направленную на их удовлетворение, что должно привести к разрядке этого напряжения. Однако когда в определенной зоне «жизненного пространства» личности происходит такая разрядка, это вовсе не исключает наличие или даже увеличение напряжения в других его зонах. Поэтому личность всегда находится в состоянии «динамического равновесия»: разрядка или умень-

шение напряжения в одной зоне «жизненного пространства» вызывает его увеличение в другой области. Полное отсутствие напряжения в динамическом поле личности означает ее «психологическую смерть».

Возникновение этого напряжения и его разрядка осуществляются в некотором «силовом психологическом поле», где каждый предмет выступает не как физический объект, а как вещь, имеющая отношение к потребности субъекта, то есть обладающая определенной «валентностью».

В своих теоретических построениях К. Левин использует принципы аналитической геометрии, он сравнивает психологические силы с векторами, исходящими от объектов и областей окружающего мира и обладающими побудительным характером (валентностью). Эти силы воздействуют на личность и тем самым детерминируют ее поведение. Всякое действие человека в этом поле изменяет соотношение сил, которое в каждой конкретной ситуации по своему определяет его дальнейшее поведение.

К. Левин всегда настойчиво подчеркивал социальную обусловленность формирования квазипотребностей и поэтому основное внимание уделял исследованию динамической стороны мотивации, в то время как ее содержанию не придавалось серьезного значения. Таким образом, в концепции мотивации К. Левина особое динамическое состояние – напряжение – является решающим и, самое главное, детерминирующим фактором психической деятельности человека.

Процессуальный аспект мотивации был разработан К. Левиным очень подробно: вскрыт целый ряд закономерностей, характеризующих процесс мотивации, разработан комплекс оригинальных и очень хитроумных методик для его исследования, введен в психологический обиход ряд новых понятий, таких как «динамическое поле», «жизненное пространство», «квазипотребность», «намерение», «замещение».

Ж. Нюттен [22] начинает различать понятия мотива и мотивации, указывая на динамический характер последней. Он утверждает, что мотивация «детерминирована врожденной активностью и селективностью человека, которые определяют направленность поведения и его устойчивость в изменяющихся условиях». Х. Хекхаузен [33] также считает мотивацию активным процессом и особо подчеркивает роль актуальной потребности как запускающего стимула этой активности. Мотивация, таким образом, есть динамический процесс формирования мотива; мотив же, по мнению автора, является характеристикой, определяющей потребностный потенциал личности и представляющий собой «целевую диспозицию», совокупность которых составляет содержание мотивации.

С точки зрения Т.А. Немчина мотивацию следует изучать в двух планах: исследования активной действенности мотивации и ее потенциальных возможностей [21, с. 49].

В наиболее систематизированном виде подход к мотивации как к процессу реализован в психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева [12], согласно которой детерминантой любой деятельности является потребность. «Опредмеченная» потребность, то есть потребность, для удовлетворения которой имеется реальный или идеальный предмет, становится мотивом, который, однако, не сразу осознается субъектом – сначала он испытывает лишь смутное «хотение» чего-то неопределенного¹. Завершается процесс мотивации полным осознанием мотива, в результате чего у субъекта появляется «личностный смысл» и его деятельность приобретает целенаправленный характер.

Теория функциональных систем [1, 23] рассматривает поведение и деятельность человека точно так же, но использует свой нейрофизиологический понятийный аппарат: «Возникает ведущая социальная или биологическая потребность, на ее основе формируется доминирующая мотивация («опредмеченная потребность») (*то есть мотив. – В.М.*), которая на стадии афферентного синтеза, одновременно взаимодействуя с обстановочными аффективными возбуждениями, пусковыми возбуждениями и механизмами памяти, завершается стадией принятия решения (*то есть происходит осознание мотива, и у действующего субъекта появляется «личностный смысл».* – В.М.). Следующей стадией является предвидение потребного результата – формирование акцептора результата действия («цели»)» [23, с. 17].

Психическая патология с позиций этого подхода выступает поэтому не как психопатологический синдром, а как функциональное расстройство психодинамического целого. П. Марчайс, например, не без основания считает, что выражение психических расстройств в терминах целостных функциональных моделей лучше демонстрирует полиморфизм психических заболеваний.

Итак, мотивация – это такая психологическая реальность, в которой слиты деятельностный и личностный компоненты, поэтому и само это понятие необходимо рассматривать в двух аспектах: динамическом и содержательном. В первом случае

этот термин следует понимать как процесс превращения неосознаваемой потребности в той или иной степени осознанный мотив, поэтому, чтобы подчеркнуть именно динамический, процессуальный аспект мотивации, следует употреблять понятие «процесс мотивации» или «процесс формирования мотива». Если же исследуется система потребностей и ценностей личности, более точным будет использование термина «ценностно-потребностная сфера личности». В первом случае подчеркивается деятельностный компонент мотивации, во втором – личностный. Изучая процесс мотивации, исследователь всегда стремится дать ответ на вопрос: «как, каким образом формируется человеческое поведение?», в случае содержательного анализа мотивации требуется выяснить: «что движет человеческим поведением, что является его бессознательной причиной?»².

Цель данной статьи ограничивается первым, динамическим аспектом этой сложной проблемы, поэтому дальнейшее изложение будет посвящено теоретическому и экспериментальному анализу возможных психологических механизмов процесса мотивации, то есть процесса формирования мотивов.

Формирование и развитие потребностей

Один из важнейших вопросов психологии личности, до сих пор остающийся открытым, – формирование специфически человеческих потребностей высшего порядка. З. Фрейд считал, что развитие личности – это принудительное усвоение ребенком социальных норм и ценностей, что «наше развитие идет в том направлении, что внешнее принуждение постепенно переходит внутрь и особая психическая инстанция, человеческое «Сверх-Я», включает его в число своих заповедей» [31, с. 100]. Другой известный психоаналитик Э. Фромм подчеркивал, что высшие потребности связаны с дисгармонией человеческого существования, которая и «порождает потребности, выходящие далеко за пределы его животности» [32, с. 159].

Высшие потребности не могут возникнуть иначе, как на основе уже имеющихся потребностей. Л.И. Божович [4], в частности, рассматривает врожденную потребность ребенка во внешних впечатле-

¹ Этот мотивационный механизм часто используется в рекламе. Во время демонстрации фильма вставляется всего один дополнительный кадр с рекламой какого-либо продукта (25-й кадр). Время экспозиции одного кадра составляет всего $\frac{1}{300}$ сек., поэтому человек не успевает осознать, что он видел эту рекламу, однако потребление рекламируемого продукта резко возрастает.

² В.И. Чирков, опираясь на исследования К. Мэдсена, предлагает кроме содержательного и процессуального аспектов мотивации выделить еще дифференциально-психологический, связанный «с анализом причин, в силу которых люди отличаются друг от друга по направленности и качественному своеобразию мотивационных процессов» [34, с. 137]. Выделение этого компонента мотивации вряд ли можно считать обоснованным, так как в этом случае произойдет подмена понятия мотивации формально-динамическими и социодинамическими характеристиками личности, которые, безусловно, являются важными факторами, определяющими особенности поведения, но не входят в структуру мотивации.

ниях как дающую начало последующему формированию ряда высших потребностей. П.В. Симонов и П.М. Ершов считают, что исходные (первичные) потребности могут трансформироваться в бесконечное множество производных, «например, биологическая потребность сохранения определенной температуры тела порождает потребность в одежде; та, в свою очередь, формирует потребность в производстве материалов ...» [26, с. 23].

По-видимому, любую базисную потребность можно рассматривать как источник формирования целой иерархии высших потребностей.

К.В. Судаков полагает, что новые потребности у человека формируются как функциональная система психической деятельности. Он пишет: «Потребности выступают в роли критических моментов непрерывного континуума деятельности <...>, превращая его в дискретную форму. Удовлетворение потребности – другой критический момент континуума деятельности <...>, он знаменует собой переход к иной форме деятельности, к возникновению и удовлетворению другой потребности» [29, с. 110].

Потребности человека формируются в процессе удовлетворения уже имеющихся у него побуждений и на их основе. «Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям», – писал К. Маркс, то есть необходимость удовлетворения одних потребностей есть условие возникновения новых.

Очень важное для понимания механизма формирования новых, «человеческих» потребностей положение было выдвинуто Г. Олпортом [35]: «Мотивы, возникающие на биологической почве, в дальнейшем могут стать независимыми от нее и функционировать самостоятельно». Этот постулат он назвал принципом «функциональной автономии», который, по его мнению, может быть реализован на двух уровнях:

- персеверативном, включающем в себя привычки и стереотипы;
- проприативном, где автономия определяется интересами и установками самой личности.

Таким образом, любые человеческие потребности в качестве своего первичного источника могут иметь только врожденные потребности и иначе сформироваться не могут. Механизм формирования новых потребностей – это процесс превращения неосознаваемой потребности в осознанный мотив (опредмечивание и экстерииоризация потреб-

ности) и последующий переход этого мотива во внутренний план (его распредмечивание и интериоризация). В результате мотив перестает осознаваться, превращаясь таким образом в новую потребность, которая уже сама может быть опредмеченной и экстерииоризованной. Материал для формирования и развития системы потребностей ребенка – врожденные биологические и духовные побуждения, а важнейшим фактором формирования этой системы является непосредственный психологический контакт ребенка с окружающими его людьми.

Экстерииоризация потребности – процесс, в котором можно выделить определенные этапы, связанные со степенью осознания мотива, хотя признаки, на основании которых эти этапы могут быть выделены, достаточно зыбки. Так, Т.А. Немчин [21], вслед за З. Фрейдом, рассматривает влечение как эмоционально окрашенный, недостаточно осознанный мотив. Следующий этап – желание – характеризуется уже большей степенью осознания. В психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева [12] эти промежуточные ступени формирования мотива получили название «побудительных» или «мотивов-стимулов». Полностью осознанный мотив – «смыслообразующий», то есть наполненный индивидуальным личностным смыслом¹.

Интерииоризация мотива в процессе формирования новых потребностей проходит, по-видимому, те же этапы, но в обратном порядке.

Внимательный анализ ключевых понятий психологической теории деятельности – «опредмечивания потребности» и ее «экстерииоризации» – показывает, что это два очень близких по содержанию термина. Однако между ними есть одно существенное различие: «опредмечивание» указывает на результат, который может быть получен в процессе мотивации, в то время как «экстерииоризация» сосредоточена на самом процессе формирования мотива, то есть на проекции внутренней неосознаваемой потребности на внешний четко осознанный объект. В остальном эти термины можно считать идентичными. Такие же отношения существуют и между понятиями «распредмечивание» и «интерииоризация», но в этом случае имеется в виду обратный процесс – переход осознанного мотива во внутренний неосознаваемый план.

Потребности, источником формирования которых являются врожденные побуждения, могут, в свою очередь, развиваться в потребности второго,

¹ О.К. Тихомиров к побудительной и смыслообразующей функциям мотива добавляет функцию структурирования, которая проявляется в процессе формирования промежуточных целей деятельности, в определении стратегии поиска информации в процессе деятельности, а также в динамической оценке промежуточных результатов деятельности. Однако очевидно, что эта функция мотива никакого отношения к процессу мотивации не имеет, потому что когда начинается разворачиваться процесс деятельности, процесс мотивации должен быть уже завершен. Бесцельной деятельности не бывает, а цель всегда формулируется субъектом, когда потребность опредмечена, то есть когда полностью сформировался мотив. Процесс мотивации завершается осознанием мотива.

третьего уровня и так далее, в результате чего формируется индивидуальная иерархически организованная потребностная структура. Интересы, установки, навыки, убеждения, стремления и другие аналогичные психологические образования – это и есть интериоризированные мотивы, ставшие потребностями. Например, выработка фиксированной установки в эксперименте – это формирование потребности выполнять экспериментальную задачу определенным образом. К. Левин [41] называл такую потребность квазипотребностью. Прочность и устойчивость этой установки определяется стилевыми динамическими характеристиками личности, которые придают поведению человека специфическую окраску, такими как, например, активность, ригидность или импульсивность [6, 19].

В первые месяцы жизни новые потребности у ребенка формируются путем многократного повторения ситуации удовлетворения биологических потребностей [4], но по мере его психического развития возможности формирования новых потребностей возрастают. Разнообразие форм и видов деятельности, комбинаций факторов, оказывающих влияние на ее протекание, индивидуальных для каждой личности, способствуют формированию у нее огромного числа потребностей, а так как условия жизни и деятельности у всех людей разные, то у каждого человека формируется уникальная система потребностей, которая и обуславливает уникальность его личности.

Формирование новых человеческих потребностей тесно связано с процессом приобретения индивидуального опыта, который может протекать в двух основных формах: учения и научения. Учение всегда подразумевает приобретение опыта в процессе деятельности, направляемой познавательными потребностями; путем научения приобретается любой опыт (знания, умения, навыки) у человека и новые формы поведения у животных. Научение включает в себя неосознаваемое усвоение любой информации и ее закрепление, оно может происходить либо постепенно, в повторяющихся актах поведения, либо сразу, в форме импринтинга.

В дошкольном возрасте научение является ведущей формой приобретения и усвоения индивидуального опыта, позднее оно отодвигается на второй план, уступая доминирующие позиции учению. Важную роль в процессе социального научения играет подражание – именно оно является базовым механизмом формирования такой социально важной личностной структуры, как «Сверх-Я».

Формирование новых потребностей и приобретение индивидуального опыта – два параллельно протекающих психологических процесса, поэтому результаты одного из них находятся в непосредственной зависимости от результатов другого. Дру-

гими словами, чем больше новых потребностей сформировано у личности, тем богаче ее индивидуальный опыт.

Процесс формирования потребностей у человека продолжается всю жизнь, но наибольшее их число появляется в период наивысшей творческой активности личности. На нейрофизиологическом уровне этот механизм может быть представлен как формирование функциональных систем психической деятельности, где ведущим системообразующим фактором является полезный приспособительный результат [1].

Особенности процесса мотивации при шизофрении

Одними из наиболее характерных симптомов, свидетельствующих о серьезных нарушениях психической деятельности при шизофрении, считаются снижение побуждений, апатия, которые могут быть связаны как с системой потребностей и ценностей больного, так и с процессом мотивации [7, 11, 28, 41]. Нарушение этого процесса может привести не только к невозможности формирования новых потребностей, но и к утрате больными шизофренией способности к целенаправленной деятельности.

Л.И. Абрамова и В.П. Критская прямо указывают на «редукцию потребностно-мотивационного компонента у больных шизофренией». У этих больных не выявляется психической истощаемости, однако применение методов повышения мотивированности, очень эффективных в исследованиях психически здоровых лиц, не вызывает повышения активности больных. В.П. Критская и Т.Д. Савина отмечают, что по мере углубления шизофренического дефекта у больных снижается уровень спонтанной активности: больные в психологических экспериментах не использовали самостоятельно стратегию организации запоминаемого материала, хотя внутренние резервы для этого у них, безусловно, имелись [11]. А в исследовании Т.Д. Савиной и Т.В. Серебряковой обнаружилось, что результативность деятельности больных шизофренией в условиях повышенной мотивированности имеет тенденцию снижаться, в то время как временные ее показатели улучшаются: больные как бы игнорируют суть задания и стараются как можно быстрее его завершить. Опираясь на эти факты, авторы приходят к выводу, что, несмотря на низкую продуктивность, резервы для ее повышения у больных шизофренией есть. Сравнение таких больных с группой пациентов, страдающих астено-невротическими расстройствами, а также с лицами пожилого возраста, в психическом статусе которых отмечалось снижение психической активности, показало, что в условиях повышенной мотивированности увеличение продуктивности психической деятель-

ности у больных шизофренией наблюдалось в 28 % случаев, в то время как в контрольных группах – в 60 %.

Г.М. Кухтерина и Г.В. Залевский изучали психомоторную активность у лиц с психическими расстройствами. Тот факт, что только больные шизофренией не улучшили своих показателей при ретестировании, а даже несколько их ухудшили, также свидетельствует о низком качестве мотивации в этой группе больных.

М.М. Коченов считает, что снижение активности у больных шизофренией обусловлено тем, что «цель не в состоянии активизировать деятельность, направленную на ее достижение», то есть при шизофрении страдает процесс формирования мотива, он настолько слаб, что вектор «мотив–цель» не в состоянии запустить дальнейший механизм психической деятельности.

В рассмотренных работах, несмотря на различную их направленность, обнаруживается один и тот же факт – у больных шизофренией происходит резкое снижение продуктивности психической деятельности, но это снижение происходит не только и даже не столько из-за неспособности выполнить предлагаемую экспериментальную деятельность, сколько из-за отсутствия побудительной силы к этой деятельности. Метафорически это можно выразить следующей фразой: если невротические личности или больные с органическими поражениями центральной нервной системы «хотят, но не могут», то больные шизофренией «могут, но не хотят».

Работа М.М. Коченова и В.В. Николаевой [10] – одно из немногих отечественных исследований, специально посвященных изучению мотивации при шизофрении. Авторами выявлено, что нарушения мотивационной сферы возникают уже на начальной стадии заболевания и выражаются в резком изменении как побудительной, так и смыслообразующей функции мотивов.

Нарушение побудительной функции выражается «в постепенном уменьшении их побудительной силы», что проявляется в снижении активности и инициативности больных, в нарастании вялости и апатии. Исследователи склоняются к тому, что причиной изменения личности при шизофрении являются нарушения мотивации, а именно снижение побудительной функции мотивов.

Изменения функции смыслообразования авторы связывают с перестройкой смысловой иерархии в структуре мотивационной сферы, которая приводит к появлению странных, причудливых, а подчас нелепых мотивов. В силу этого деятельность больных теряет целенаправленный характер и становится непродуктивной. Тем не менее «мотивационная сфера больного, обедненная в результате заболевания, все

же сохраняет иерархическую организацию, хотя очень часто и в извращенном виде».

Таким образом, анализ понятия «мотивация» показал, что не только в теоретических, но и в многочисленных экспериментальных исследованиях по этой проблеме всегда возникают два тесно взаимосвязанных аспекта: деятельностный, когда мотивация должна рассматриваться как процесс, и содержательный, связанный с изучением «потребностной иерархии» личности. Эксперименты, проведенные на клиническом материале, показали, что такие психопатологические расстройства, как снижение побуждений, апатия, абулия, очень характерные для шизофрении, невозможно объяснить повышенной психической истощаемостью. Поэтому многие исследователи склоняются к предположению, что причиной такой патологии могут быть структурные или динамические изменения в мотивационной сфере больных, в частности, нарушения процесса мотивации.

Нарушения мотивации при шизофрении в первую очередь связываются с такими клинически диагностируемыми негативными расстройствами, как апатия, снижение побудительной силы, «редукция энергетического потенциала», которые могут быть обозначены как «мотивационный дефект» в отличие от психоорганического, обусловленного быстрой психической истощаемостью и характерного для экзогенно-органической патологии. Бредовые расстройства при шизофрении обусловлены, скорее всего, нарушением процесса формирования мотивов в форме фиксации смыслообразующего мотива и невозможности его переключения на другой, адекватный изменившимся условиям.

На основе этих предположений можно сформулировать вполне логичную гипотезу о том, что нарушения процесса мотивации при шизофрении должны быть связаны с такими стилевыми поведенческими характеристиками больных, как активность и ригидность.

Активность и ригидность в структуре личности больных шизофренией

В самом общем смысле активность является внутренним условием (но не причиной) и мерой взаимодействия субъекта с окружающей действительностью [25]. Это «общеличностная характеристика, выражающая природное стремление индивида к повышенной и разнообразной нагрузке в умственной и психомоторной сферах».

А.Г. Асмолов считает формулой активности положение А.Н. Леонтьева: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет», подчеркивая тем самым важную роль активности личности в процессе деятельности. Он видит

источник активности во внутренних противоречиях личности, которая сама формируется как результат предшествующих действий и взаимодействий с внешним миром, другими людьми и самой собой. С.Д. Смирнов [27] отмечает, что активность имеет уровневое строение, соответствующее этапам развития психики, которое она прошла в процессе эволюции:

- активность как свойство, присущее всем живым организмам;
- поисковая активность;
- произвольная активность.

Все эти уровни характерны и для человека, но доминирующее значение в его деятельности занимает произвольная, волевая активность¹.

Роль активности в процессе человеческой деятельности всегда неразрывно связывалась с проблемой воли. Довольно часто произвольная активность и воля рассматривались как синонимы, хотя воля может быть представлена и как одна из форм произвольной активности, а именно «как действие в условиях преодоления препятствий». В.А. Иванов понимает волю как личностный уровень регуляции деятельности.

Нейродинамической основой активности следует считать активированность нервной системы, которая задает энергетический уровень работы организма, мозга и организацию нервных процессов.

Активность, таким образом, является непременным атрибутом любой деятельности (но только атрибутом, свойством ее, а не самой деятельностью); ее структура соответствует уровневому строению психики, энергетическим источником активности является активированность нервной системы. Произвольная активность может проявляться в психомоторной и умственной сферах, то есть на психодинамическом и интеллектуальном уровнях психической деятельности. Исходя из этих положений, активность может быть представлена как динамическая стилевая характеристика личности.

В психиатрии понятие «психической активности» используется для обозначения достаточно четко очерченной клинической реальности. Ж. Берце считал, что основное нарушение при шизофрении – изменение «интенциональности Я», приводящее к «гипотонии сознания», проявляется в снижении психических функций. В. Майер-Гросс писал об «обеднении психическими импульсами», В. Янсарик – о «динамическом опустошении» больных шизофренией. К. Конрад определял снижение психической активности как «редукцию энергетического потенциала», а Г. Губер полагал, что дефектные изменения при шизофреническом процессе

проявляются в виде «чистой динамической недостаточности»: снижения энергетического уровня и психического потенциала личности, спонтанности, «отсутствии целенаправленности и волевой эмоциональной регуляции».

Р.А. Наджаров и А.Б. Смудевич отмечают, что снижение активности и «падение психической продуктивности» положительно коррелируют с прогрессивностью заболевания, а Д.Е. Мелехов писал о целой шкале нарушений активности от лабильности, неустойчивости волевого усилия, когда еще возможна компенсация, до полной дезорганизации поведения.

Психическая ригидность традиционно рассматривается в двух планах – в контексте фиксированных форм поведения и как формально-динамическое свойство личности, имеющее глубокие филогенетические корни.

В первом случае ригидность, наряду с персеверациями и стереотипиями, становится в ряд психопатологических феноменов, которые характерны для неадекватного поведения больных, и поэтому рассматривается как клинический симптом болезни.

Другая точка зрения подчеркивает, прежде всего, приспособительный характер ригидности, которая способствует закреплению удачных реакций и в этом смысле выполняет адаптивную функцию. В человеческой деятельности роль этого свойства также очень велика, так как благодаря ему сохраняется некий структурный инвариант деятельности. Если бы личность совсем не обладала свойством ригидности, то человек не был бы способен усваивать знания, формировать трудовые навыки, вырабатывать поведенческие стереотипы. Другими словами, его психика была бы подобна флюгеру, и каждый раз, сталкиваясь с уже встречавшейся в его индивидуальном опыте проблемой, человек был бы вынужден начинать уже знакомую деятельность «с чистого листа».

Тем не менее в этих на первый взгляд противостоящих друг другу подходах нет глубокого противоречия, так как обе позиции неразрывно связаны между собой. Ведь если ригидность рассматривать как континуум, один полюс которого – ригидность, а другой – гибкость, то ясно, что как чрезмерная ригидность, так и слишком выраженная гибкость непременно вызовут сбой в процессе деятельности, который проявится в виде определенных клинических симптомов. Поведение личности будет адекватным ситуации до тех пор, пока ригидность выполняет приспособительную функцию. Попытка объединить эти точки зрения с

¹ Выделение этих уровней нельзя, однако, признать удовлетворительным, так как первый из них отражает активность как характеристику поведения живых организмов, в то время как второй и третий уровни – это собственно и есть поведение и деятельность. У человека «произвольная, волевая активность» – это осознанная целенаправленная деятельность.

позиций системного подхода к психике была принята М.С. Роговиным и Г.В. Залевским [6, 24].

Термин «ригидность» был введен в психологический обиход Куртом Левином [41]. Он, однако, не дает четкого определения ригидности, указывая только, что последняя включает в себя стереотипию, педантичность, негибкость воли и потребностей, интеллектуальную тугоподвижность. Ригидность – «это характеристика границ между психическими сферами личности, и чем больше требуется сил для ее преодоления, тем ригиднее личность». Г. Кунин считает, что уровень ригидности определяется степенью взаимопроницаемости психических сфер личности.

Для Г. Вернера ригидность – скорее, функциональный феномен, нежели структурный. Это «недостаточная вариабельность реакций», которая является нормальным состоянием «мало развитых организмов». Чем выше ступень эволюции, тем меньше проявление ригидности. К. Гольдштейн уже выделяет «первичную» и «вторичную» ригидность. Первичная ригидность определяется как неспособность изменить установку; вторичная выступает как снижение способности к абстрактному мышлению. Р. Кеттелл [38] предлагает понятие «диспозиционной ригидности», которая трактуется как сопротивление проторенных нервных путей всякому изменению.

Л.С. Выготский считает, что проявление ригидности зависит от психологического поля, в котором в каждый данный момент находится личность. Поэтому причиной «поведенческой ригидности» может быть не только собственно ригидная личность, но и «слишком большая ее текучесть или флюидность».

Экспериментальные исследования показали, что ригидность связана как с мотивами, так и со свойствами нервной системы. Наиболее сильная связь обнаружена между ригидностью и инертностью нервных процессов, поэтому ригидность часто отождествляют с этим свойством. Б.М. Теплов предполагает, что в основе ригидности может лежать такое свойство нервной системы, как лабильность. В.Д. Небылицын же выступал против отождествления психологических характеристик с основными свойствами нервной системы, несмотря на то, что между ними и существует определенная связь.

В.М. Русалов [25] трактует ригидность как пластичность поведения, которая рассматривается как индивидуальная формально-динамическая характеристика личности.

Исследования психической ригидности психиатрами-клиницистами привели к тому, что ригидность стала трактоваться как один из негативных симптомов, который проявляется в снижении спо-

собности к абстрактному мышлению и связан с более низким конкретным уровнем психической деятельности. Б. Мандл установил, что больные параноидной формой шизофрении значительно ригиднее, чем здоровые, но менее ригидны, чем больные гебефренией. О том, что ригидность присуща больным шизофренией в большей степени, чем здоровым, свидетельствуют также данные, приводимые Г. Адамсом и Г. Бренгельманом.

Г.В. Залевский [6] обнаружил, что больные параноидной шизофренией по сравнению с невротическими личностями и пациентами с невротоподобными расстройствами экзогенно-органического генеза проявляют в поведении большую ригидность. Им были выделены также «стенический» и «астенический» варианты ригидности.

Таким образом, активность и ригидность – это не только клинические симптомы; в определенной мере эти свойства характерны и для психически здоровой личности, однако анализ литературы показывает, что существует определенная связь резких проявлений активности и ригидности с целым рядом психопатологических факторов. В частности, было обнаружено, что среди преморбидных характеристик личности больных шизофренией с маниакальными приступами преобладают активность, ригидность и монотонность. Болезненные приступы у больных сопровождаются гиперактивностью, но вместе с тем проступают и черты ригидности.

Ряд авторов исследовали больных шизофренией в состоянии ремиссии и получили результаты, указывающие на связь активности и ригидности с негативными психопатологическими расстройствами.

Л.И. Абрамова и В.П. Критская выявили, что на первый план при астеническом типе ремиссии выступает тотальное снижение психической активности. У больных со стеническим типом ремиссии такого снижения активности выявлено не было, но отмечалась тенденция этих больных к актуализации нестандартных признаков, что свидетельствует о нарушении механизма избирательности при актуализации прошлого опыта. Это можно рассматривать как гиперфлексибильное интеллектуальное поведение.

В работе Г.П. Пантелеевой и В.С. Беляева показано, что снижение активности при бредовой шизофрении характерно для всех преморбидных типов личности больных, в то время как психическая ригидность отмечалась только при дисгармоническом типе, наиболее характерном для параноидной шизофрении. Образцово-стенический тип в большинстве случаев также характеризовался последующим развитием психической ригидности. При образцово-дефицитарном преморбиде дальнейшее развитие болезни обычно сопровождается снижением психической активности.

В.П. Критской и Т.Д. Савиной было установлено, что для больных шизофренией с выраженным дефектом характерен заниженный уровень притязаний на фоне общего снижения активности. Результаты исследования свидетельствуют также о том, что по мере углубления шизофренического дефекта ухудшаются не только показатели произвольной психической активности, но и усиливаются признаки ригидности. Обнаружен также более низкий по сравнению со здоровыми испытуемыми уровень спонтанной активности.

Исследования психомоторики выявили снижение скорости реакции у больных шизофренией на раздражители любых модальностей по сравнению с контрольной группой психически здоровых испытуемых. Однако в исследовании не обнаружено достоверных различий по этим показателям в экспериментальных группах больных шизофренией и неврозами.

В зарубежной психиатрии исследования феноменологии шизофрении все больше дополняются поиском психологических закономерностей. Психическая деятельность, рассматриваемая в русле когнитивной концепции, представляется как процесс переработки информации, в котором принимают участие все познавательные процессы: восприятие, память, мышление, воображение, внимание.

Анализируя работы, выполненные в рамках этого направления, следует отметить, что для шизофрении характерны:

1. Замедленность моторных функций, скорости образования ассоциаций и навыков, которые в литературе по этой тематике обозначаются термином «психологический дефицит».

2. «Crossover»-феномен – снижение скорости реакции у больных шизофренией при регулярной паузе между раздражителями и увеличение – при нерегулярной. Этот парадоксальный феномен в сочетании с «психологическим дефицитом» составляет так называемый «set»-индекс.

3. Снижение скорости реакции при изменении сенсорной модальности.

4. Замедление психических процессов при введении помех.

5. Увеличение времени узнавания при усложнении перцептивного стимула.

Эти данные хорошо объясняются теорией Ю.Ф. Полякова [11] о нарушении у больных шизофренией механизма селективности при использовании прошлого опыта. Многие исследователи также отмечают, что больные шизофренией не способны отбрасывать лишнюю информацию при ее избытке.

Эти факты привели исследователей к предположению о наличии у больных шизофренией «первичного когнитивного дефекта». Они пытаются объяс-

нить нарушения психических процессов при шизофрении с позиций концепции «разрушения иерархии реакций», согласно которой возможная сила реакции на стимул зависит от оптимальной величины стимула. При этом предполагается, что больные шизофренией имеют низкие пределы реакции.

При исследованиях памяти больных шизофренией мнестических расстройств не было обнаружено только в двух случаях: при опознании и когда запоминанию предшествуют установочные задания, ориентирующие на применение приемов кодирования. Это привело многих исследователей к гипотезе о том, что вербальный мнестический дефицит у больных шизофренией обусловлен отсутствием активного кодирования информации: если запоминаемый материал структурирован, а воспроизводимый – нет, то результаты воспроизведения у больных шизофренией значительно хуже, чем у здоровых испытуемых. Если же структурирован и запоминаемый, и воспроизводимый материал, то различий между больными и здоровыми не выявляется.

В экспериментах было обнаружено также, что при шизофрении снижена способность длительное время поддерживать внимание. Есть данные о том, что у больных с выраженными позитивными симптомами наблюдаются значительные расстройства произвольного внимания. У больных с преобладанием негативных расстройств отмечаются нарушения селективности внимания. В частности, К. Нихтерлейн и М. Доусон выявили связь негативных симптомов с нарушением процесса различения сигналов, требующих значительных психических усилий.

Таким образом, анализ литературы показывает, что активность и ригидность безусловно связаны с клиническими особенностями шизофренического процесса. Прослеживается зависимость активности и ригидности от формы заболевания, степени его прогрессивности, психопатологической симптоматики, по-разному проявляются активность и ригидность при различных типах ремиссии. Получено много фактов, свидетельствующих о снижении скорости и продуктивности различных психических процессов, а также психомоторной активности при шизофрении.

Большинство психиатров связывают активность с благоприятным прогнозом, а ригидность считают прогностически неблагоприятным фактором.

Г.В. Залевский определяет ригидность как трудность или неспособность корректировать программу деятельности и поведения в соответствии с объективными требованиями ситуации при различной степени их осознания и принятия [6]. В этом эклектическом определении нашли отражение оба подхода к проблеме ригидности. С одной стороны, она рассматривается как «трудность» или «неспособность», что позволяет трактовать ее как симптом

психического расстройства, с другой стороны, ригидность-флексibility – это психологический континуум: если ригидность проявляется как «трудность», то флексibility – это «легкость», и в этом смысле она представляет собой свойство личности, способное проявиться на различных уровнях психической деятельности. Однако в реальном исследовании такая эклектика может принести целый ряд весьма неприятных сюрпризов.

В данном исследовании ригидность рассматривается в личностном аспекте как стилевая динамическая характеристика личности, определяющая степень трудности (или легкости) перестройки психической деятельности на всех этапах ее формирования. Активность также трактуется как динамическое свойство личности, как показатель скорости протекания любых психических процессов.

Таким образом, активность и ригидность – стилевые поведенческие свойства, которые в норме выполняют важную приспособительную функцию. Активность обеспечивает необходимый энергетический фон поведения, а ригидность позволяет закрепить сформированную структуру деятельности и в то же время может затруднить или сделать невозможной ее трансформацию при объективной необходимости таких изменений. Чрезмерное усиление или ослабление действия этих характеристик приводит к тому, что они теряют свое приспособительное значение, что может проявиться в определенных психопатологических симптомах.

При шизофрении снижение активности обычно связывают с появлением апатии, снижением побудительной силы; чрезмерно высокая активность проявляется в маниакальном поведении. Как следствие низкой ригидности, поведение больных приобретает неупорядоченный характер, но особенно это заметно на фоне высокой активности. Слишком высокий уровень ригидности при шизофрении проявляется в фиксированных формах поведения и может стать одной из причин формирования навязчивостей и бреда.

Психологический анализ нарушений процесса мотивации при шизофрении

Исследование процесса мотивации подразумевает разработку специальной экспериментально-психологической процедуры, моделирующей определенный вид деятельности или поведения. Теоретической основой такой модели может служить структурно-уровневый подход к психике М.С. Роговина [24] и учение К. Левина о квазипотребностях [41].

В экспериментах, проведенных сотрудниками К. Левина Б.В. Зейгарник и М.А. Овсянковой, было убедительно показано, что деятельность определяется не закрепившимися в прошлом опыте ассоциациями и не количеством повторений, а наличием напряженной динамической системы (намерения), которая и является механизмом любой деятельности. Незавершенное намерение всегда стимулирует испытуемых закончить деятельность. Иллюстрируя этот феномен, К. Левин приводил в качестве примера «случай в ресторане»: когда он, рассчитываясь с официантом, спросил его, что он заказывал и сколько должен, последний безошибочно назвал заказанные блюда и их стоимость. Но ответить, что заказывали и сколько заплатили только что расплатившиеся и вставшие из-за стола посетители, официант не смог. Есть очень простое объяснение этого феномена: пока существует напряженная динамическая система – намерение – (счет еще не оплачен), официант помнит абсолютно все, но как только наступила разрядка этого напряжения (счет оплачен), он сразу же все забывает.

В исследовании М.А. Овсянковой, например, было показано, что у 88 % испытуемых возникает потребность завершить прерванную деятельность, а эксперименты, проведенные Б.В. Зейгарник, выявили, что незавершенные действия запоминаются лучше, чем завершенные. К. Левин считал, что эти феномены обусловлены возникновением напряженной динамической системы – намерения. В исследовании К. Лиснер были получены данные о том, что квазипотребности могут находиться в состоянии коммуникации и энергия одной динамической системы способна переходить в другую. Этот механизм, названный К. Левином «замещением», может осуществляться идеально.

Схема экспериментов, проведенных группой К. Левина, была следующей: испытуемому предлагались разные деятельности – одни задания были монотонные и без конца, другие имели ярко выраженный финал. Некоторые задачи испытуемому не давали довести до конца, и в этот момент исследователь безо всяких объяснений покидал экспериментальную комнату. Оказалось, что испытуемые, хотя их и не просили об этом, старались завершить то, что они начали. К. Левин определил этот феномен как квазипотребность завершить деятельность. Испытуемый за час выполнял 20–30 задач, а затем его спрашивали, что он делал. Обычно обследуемый не ставит задачи запомнить, что он делает в эксперименте. Тем не менее незаконченные задачи запоминались в 2.5 раза лучше. Этот феномен и получил название «эффекта Зейгарник»¹. Его прояв-

¹ Работа Б.В. Зейгарник была опубликована несколько раньше статьи М.А. Овсянковой, поэтому этот психологический феномен получил название «эффект Зейгарник» (или «коэффициент Зейгарник»), выражающий отношение запомненных завершенных и незавершенных действий).

ление зависит от возраста, от трудности задачи, от отношения человека к прерванному заданию и т.д.

Следует чуть подробнее остановиться на отношении человека к прерванной задаче. В 40-х гг. XX столетия проблемой исследования мотивации стал заниматься С. Розенцвейг. Он давал одной группе испытуемых задачи и говорил, что они предназначены для проверки их умственных способностей, а другой группе сообщал, что эти задачи даются просто для ознакомления. Оказалось, что при слабой мотивации лучше запоминаются прерванные задания, что четко соответствовало теории К. Левина, но в том случае, когда речь шла о диагностике интеллекта, все обстояло как раз наоборот. С. Розенцвейг предположил, что в этих случаях срабатывают два психологических механизма:

1. Один из них был обусловлен мотивацией, которая действительно связана с завершением прерванной задачи.

2. Второй механизм определяется стремлением испытуемого защитить свое «Я». Если этому «Я» ничего не угрожало, тогда наблюдалась тенденция к завершению прерванной деятельности. Но когда человек сильно мотивирован, когда результаты выполнения экспериментального задания затрагивают его личность, в действие вступают защитные механизмы «Я», которые и подавляют произвольные воспоминания о нерешенных задачах. Другими словами, второй механизм сильнее, так как в этой ситуации затрагивается личность обследуемого.

Кроме механизмов психологической защиты «Я» на проявление эффекта Зейгарник оказывает сильное влияние получаемая испытуемым информация о результатах его деятельности. Ж. Рив и С. Коул с соавторами установили, что испытуемые возвращались к незавершенному заданию только в ситуации свободного выбора; при введении обратной связи (*self-efficacious performance feedback*) «эффект Зейгарник» не наблюдался.

В современной терминологии «намерение» – это в той или иной степени осознанный мотив, формирующийся на основе квазипотребности. В этой ситуации есть объект деятельности, есть напряженная динамическая система и есть субъект, осуществляющий эту деятельность. Поэтому главная задача исследования по изучению процесса мотивации заключается в моделировании такой экспериментальной ситуации, которая могла бы сформировать у испытуемого квазипотребность в завершении прерванной деятельности. Кроме того, необходим какой-то адекватный способ для более или менее объективной фиксации сформировавшегося мотива.

Проявление в экспериментальной ситуации «эффекта Зейгарник» как раз и покажет, что у испытуемого сформировался мотив деятельности, и в за-

висимости от того, насколько у него выражен интерес к объекту прерванной деятельности, можно судить о силе этого мотива.

В качестве экспериментальной деятельности испытуемому обычно дается какое-либо несложное задание, например, интеллектуальный тест или опросник. Как только испытуемый «вработается», выполнение задания прерывается и перед ним ставится другая задача, в то время как первый тест остается незавершенным. После выполнения интерферирующей задачи испытуемого оставляют одного, не давая ему никаких дополнительных инструкций, и наблюдают за его поведением (для этого можно использовать зеркало Гезелла или видеосъемку). Цель наблюдения – выяснить, стремится ли испытуемый по своей собственной инициативе завершить прерванную деятельность, то есть сформировалась ли у него квазипотребность в завершении прерванной деятельности, а также оказывает ли влияние на процесс мотивации, а если оказывает, то какое, замещающая деятельность. На основании этих данных делается вывод об особенностях процесса мотивации у испытуемого и выявленных нарушениях этого процесса.

Наиболее ярко роль мотивации проявляется в тех случаях, когда по каким-либо причинам нормальное протекание деятельности затруднено. Эти нарушения могут быть обусловлены как внешними экзогенными (такими, как дистресс, физическое или психическое переутомление, травмы головного мозга, различные интоксикации, нарушения функционирования сосудов головного мозга) причинами, так и внутренними эндогенными, обычно генетически детерминированными. В поведении такие нарушения проявляются, с одной стороны, в виде различных клинических симптомов, с другой – в снижении социальной адаптации этих больных.

Однако довольно часто клинические проявления болезни не соответствуют степени социальной адаптированности больных. Такая парадоксальность адаптации, по данным Г.В. Логвинович [15], выявлена примерно у 40 % пациентов. Попытки объяснить этот феномен с позиций биологического подхода к психике успеха не приносят, поэтому важное значение приобретает исследование психологического аспекта этой проблемы, в частности, личностного.

Среди характерных особенностей личности психически больных нарушения мотивации выделяются клиницистами в особую группу, поэтому очень перспективной представляется попытка связать парадоксальные факты адаптации больных с особенностями их мотивации.

Эти методологические положения легли в основу специального экспериментально-психологического исследования особенностей процесса мотива-

ции у больных шизофренией с различными типами адаптации [19]. В качестве модели экспериментальной деятельности использовался процесс выполнения батареи психодиагностических методик Венской Тестовой Системы WTS-90 фирмы «Schuhfried GmbH», Австрия.

Г.В. Логвинович [15] были разработаны специальные критерии для оценки клинической и социальной адаптации, на основании которых оказалось возможным выделить четыре типа социально-клинической адаптации эндогенных больных.

Соответствие клинических и социальных показателей адаптации может проявиться в виде двух ассоциированных типов:

– интегративного, который характеризуется в разной степени выраженной компенсацией как в клиническом, так и в социальном плане;

– деструктивного, при котором четко отслеживается как клиническая, так и социальная декомпенсация.

Общим между этими двумя типами адаптации является то, что как в первом, так и во втором случае наблюдается строгое соответствие клинических и социальных показателей болезни.

В случае несоответствия клинических и социальных характеристик адаптации формируются два диссоциированных типа:

– экстравертный, характеризующийся сочетанием выраженных клинических расстройств с удовлетворительной социальной компенсацией;

– интровертный, при котором наблюдается практическое отсутствие клинической симптоматики в сочетании с социальной декомпенсацией¹.

В психологическом аспекте больные с экстравертным и интровертным типами социально-клинической адаптации представляют наибольший интерес, поэтому остановимся на их психологической характеристике подробнее.

Результаты исследования показали, что нарушения процесса мотивации у больных шизофренией с экстравертным типом адаптации обусловлены исключительно динамическими процессуальными причинами. Так, у больных приступообразной параноидной шизофренией процесс формирования мотивов носит чрезмерно ригидный характер: эти

больные не в состоянии переключиться с одного мотива на другой даже в том случае, когда это диктуется условиями деятельности. Поэтому они адаптированы лишь в очень узкой области, и любое, даже самое незначительное, изменение этих условий приводит к дезадаптации. Для этой группы больных особенно характерна следующая закономерность: чем более тотально проявление психической ригидности в общей структуре их личности, тем уже рамки возможной адаптации этих больных².

У другой группы больных, которая характеризовалась преимущественно невротоподобной симптоматикой, формировались очень слабые мотивы. Процесс мотивации был затруднен из-за их низкой активности. Значительная часть больных этой группы формально были устроены на работу по своей специальности, но в силу указанных психологических причин не могли выполнять своих служебных функций. С введением рыночных отношений такие «работники» оказались не нужны, что незамедлительно повлекло за собой их социальную декомпенсацию.

Очевидно, что в отношении обеих клинических групп с экстравертным типом социально-клинической адаптации нельзя говорить о полноценной, эффективной приспособленности больных в социальной сфере. Это кажущаяся, формальная адаптация – псевдоадаптация. В первом случае она носит ригидный характер, во втором – пассивный.

У больных шизофренией с интровертным типом адаптации нарушений процесса мотивации выявлено не было; по экспериментальным данным, полученным в исследовании, они статистически достоверно не отличались от контрольной группы психически здоровых испытуемых, а по некоторым интеллектуальным показателям даже превосходили их. В клиническом отношении у этих больных практически отсутствовала продуктивная и негативная симптоматика (выраженность позитивных расстройств у них ограничивалась астеническим и аффективным рангом, а степень психического дефекта – 0–1 рангом негативных расстройств), но, тем не менее, эти больные были декомпенсированы в социальном плане (первая или вторая группа инвалидности). В чем же дело?

¹ Термины «экстравертный» и «интровертный», обозначающие диссоциированные типы социально-клинической адаптации больных шизофренией, были выбраны для того, чтобы подчеркнуть особенности социального поведения этих больных. Первые были явно ориентированы на контакты с другими людьми и активно искали их, у больных же с интровертным типом социально-клинической адаптации такого стремления не отмечалось.

² В качестве примера такого типа адаптации можно привести следующий клинический случай: больная параноидной формой шизофрении (парафренный синдром) работает телефонисткой на коммутаторе и очень неплохо справляется со своими служебными обязанностями. Другими словами, она полностью компенсирована в социальном отношении, в то время как ее психический статус характеризуется тяжелой позитивной симптоматикой, то есть в клиническом отношении больная, безусловно, декомпенсирована. Тип социально-клинической адаптации – экстравертный. Однако эта адаптация оказывается возможной лишь тогда, когда деятельность больной включается в содержание ее бреда: больная приходит на свое рабочее место, надевает наушники и начинает общаться с вземными цивилизациями. Но стоит только снять с нее эти наушники, как больная тут же декомпенсируется и социально.

По-видимому, причину несоответствия между адаптационными и клиническими проявлениями у больных с интровертным типом адаптации следует искать в содержании их мотивации, то есть, помимо исследования процесса мотивации, анализу необходимо подвергнуть структуру ценностно-потребностной сферы личности этих больных. Но таких исследований ни в отечественной, ни в зарубежной психологической науке не только не прово-

дилось, но даже сама проблема в таком ракурсе никогда не ставилась.

Поэтому следующий логически абсолютно оправданный шаг должен быть сделан в направлении теоретико-методологического анализа этой чрезвычайно важной, но крайне слабо, а порой и не совсем добросовестно разрабатываемой проблемы – проблемы содержательного ядра личности, ее ценностно-потребностной сферы [20].

Литература

1. Анохин П.К. Избранные труды: Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
3. Бодров В.А., Ложкин Г.В., Плющ А.Н. Нелинейная модель мотивационной сферы личности // Психологический журнал. Т. 22. № 2. 2001.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте // Избранные психологические труды. М., 1995.
5. Джидарьян И.А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.
6. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск, 1993.
7. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986.
8. Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. М., 1981.
9. Кикнадзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968.
10. Коченов М.М., Николаева В.В. Мотивация при шизофрении. М., 1978.
11. Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М., 1991.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
13. Леонтьев В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования. Новосибирск, 2002.
14. Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. М., 1992. Т. 13. № 2.
15. Логвинович Г.В. Социально-трудовая адаптация больных приступообразной шизофренией // Дисс. ... докт. мед. наук. Томск. 1987.
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
17. Маркова А.К. Мотивация и учебная деятельность. М., 1978.
18. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь., 1971.
19. Морозин В.Г. Влияние активности и ригидности на процесс формирования мотивов у больных шизофренией с различными типами адаптации (экспериментально-психологическое исследование) // Дисс. ... канд. психол. наук. Томск, 1990.
20. Морозин В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск, 2003.
21. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. Л., 1983.
22. Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. М., 1975.
23. Пратусевич Ю.М., Сербиечко М.В., Орбачевская Г.Н. Системный анализ процесса мышления. М., 1989.
24. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). Ярославль, 1977.
25. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
26. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984.
27. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
28. Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.
29. Судаков К.В. Общая теория функциональных систем. М., 1984.
30. Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.
31. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Пер. с нем. М., 1989.
32. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов / Пер. с англ. М., 1989.
33. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность // Пер. с нем. / Под ред. Б.М. Величковского. М., 1986. Т. 1 и 2.
34. Чирков В.И. Некоторые когнитивно-аффективные теории в объяснении процессуальных и дифференциально-психологических аспектов внутренней мотивации // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль. 1990.
35. Allport G.W. Pattern and growth in personality. New York, 1961.
36. Allport F. Social Psychology. Boston, 1924.

37. Atkinson J.W. An introduction in motivation. Princeton, N.Y., 1964.
38. Cattell R.B. Personality and Motivation: Structure and Measurement. N.Y., 1957.
39. Guilford J. P. Personality. N.Y., 1959.
40. Hull C.L. Principles of Behavior. New York-London, 1943.
41. Lewin K. A dynamic theory of personality. New York, 1935.
42. Maslow A.H. Motivation and Personality. New York, 1954.
43. McClelland D.C. The Achieving Society. Princeton, 1961.
44. McDougall W. A. History of Psychology in Autobiography. V. 1. Worcester, Massachusetts, 1930.
45. Merphy G. Social motivation // Handbook of Social Psychology / G.Lindsey (ed.). Cambridge (Mass.). Vol. 2. 1959.
46. Skinner B.F. Beyond the freedom and dignity. New York, 1971.
47. Tolman E.C. A psychological model // T. Parridge Mass, 1951.

К.Г. Языков

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ НАРУШЕНИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Томский государственный педагогический университет

Введение

Одна из важных целей современной психологии – поставить в центр изучения личности вопросы человеческих ценностей и смысла жизни. Индивидуальная система ценностей определяется в концепции В.Г. Морогина [1] как ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ). Ее определение характеризуется как уникальная иерархическая система индивидуальных потребностей, сформированная под влиянием системы общественных ценностей (СОЦ) и упорядоченная структурой архетипических ценностных матриц.

Детерминация личности происходит через усвоение в процессе социализации СОЦ, но в динамической конкуренции с ее организатором – архетипической системой (АСЦ). То есть СОЦ – это своего рода форма-шаблон для вложения индивидуальных потребностей человека. Такого рода отношения могут вести к внутриличностному конфликту и невротическому состоянию. Для истерических состояний, по-видимому, АСЦ личности аморфна, плохо структурирована и высокоэнтропийна. Навязанная же СОЦ не имеет соответствующую матрицу-форму и не ассимилируется с АСЦ. Возникающий внутриличностный конфликт здесь другой природы. Напряжения, порождаемые значимыми ценностями в онтогенезе, весьма слабы, или совсем не возникают. Следовательно, конфликт носит неврозогенный характер.

Предмет исследования: ценностная система человека.

Гипотеза исследования: субъективные пространства ценностей у людей с истерическими расстройствами отличаются по структуре и по конфигурации от здоровых лиц.

Предполагается, что наиболее эффективным способом проникновения в ЦПСЛ является проективный метод. Однако при использовании методики М. Рокича (Шкала терминальных ценностей, ШТЦ) [2, 3] можно ввести элемент проекции. Несмотря на «сознательный характер» данной методики, применение попарного шкалирования дистанции между терминальными ценностями (ТЦ) может быть своего рода приближением к критерию неосознанного выбора. Классическая процедура применения методики М. Рокича предполагает ранжирование списка ТЦ, но искажение, как правило, возникает в средней части списка [4]. Терминальные ценности существенно разнородны, и поэтому их организация заведомо не имеет линейного ординального характера и образует комплекс. Геометрическая модель пространства в парах ТЦ с выбором относительной ценности в условных баллах является промежуточной между социально значимой и бессознательной моделями выбора.

Цель работы – определить психосемантические пространства терминальных ценностей личности, их специфические конфигурации в зависимости от состояния психического здоровья.

Задачи исследования:

- определение размерности психосемантического пространства терминальных ценностей у здоровых лиц и пациентов с пограничными расстройствами;
- выявление кластеров в дистанциях сходства между терминальными ценностями (ТЦ);
- определение, по каким дистанциям, каких ТЦ кластеры различаются;
- исследование конфигурации ценностей в психосемантическом пространстве терминальных ценностей в кластерах.